

Андрей Бычков

На кончике иглы



*Часть сборника
Дипендра (сборник)*



Андрей Бычков

На кончике иглы

«Автор»

Бычков А.

На кончике иглы / А. Бычков — «Автор»,

ISBN 978-5-457-12040-2

«Я всегда считал это последним делом, признаваться, что я писатель. Тем более, когда только начинаешь рассказывать. Всегда хотелось, чтобы картины жизни двигались как бы сами по себе, как будто бы того, кто рассказывает и нет. Рассказчик скрыт, а читателем движет лишь его читательское призвание. Увы, это уходящий классический миф, и сейчас писатели вписывают себя в повествование сразу, и не только как субъект.».

ISBN 978-5-457-12040-2

© Бычков А.

© Автор

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Андрей Бычков

На кончике иглы

Я всегда считал это последним делом, признаваться, что я писатель. Тем более, когда только начинаешь рассказывать. Всегда хотелось, чтобы картины жизни двигались как бы сами по себе, как будто бы того, кто рассказывает и нет. Рассказчик скрыт, а читателем движет лишь его читательское призвание. Увы, это уходящий классический миф, и сейчас писатели вписывают себя в повествование сразу, и не только как субъект.

В Косово мы приехали за полночь и сразу легли. Утром было немытое окно в гостинице и помятый венский профессор на соседней кровати. Накануне вечером были чтения и я все порывался читать по-русски, хотя был и перевод моей истории на сербский, к сожалению, только начало, а я непременно хотел конец. Я хотел прочитать непременно конец своего рассказа, где герой, потеряв свою любовь, снимает проститутку, а потом, внезапно осознав, что замены все равно нет, душит ее под собой, в постели. После чтений был банкет, женщины ушли рано, и я надрался как собака. Утром следующего дня нас повезли в монастырь Сопочани.

Когда в Косово вошли силы НАТО, албанцы стали взрывать православные храмы с особым остервенением. Сопочани еще оставался цел. Я стоял и смотрел на старые, полуразмытые от времени фрески – положение во гроб Девы Марии. Я вспоминал, как, расставшись с Альфией, ездил в Оптину и просил перед иконой Божьей Матери оставить мне мою любовь. Потом несколько лет я жил с проститутками, но в отличие от героя своего рассказа был с ними нежен и ласков. Когда у меня не было денег с ними расплачиваться, я отдавал им вещи – в конце концов отдал даже коллекцию классики на лазерных дисках и модный длиннополый французский плащ. Оставшись один в пустой квартире, теперь я спасался лишь своим писанием. Кое-кто, правда, приносил мне еду, но спать кое с кем я отказывался (да и не на что было).

Я стоял и смотрел на фрески, на странные вихри монашеских бледнорозовых и бледнозеленых риз, на сонмы ангелов, на их скорбные лики, на Младенца и на самую мертвую во гробе Деву. Рядом со мной молчаливо стоял венский профессор. Мы вместе вышли из храма, как-то так «синхронистично», если воспользоваться термином Юнга. Вокруг были низкие, подернутые синеватой дымкой холмы. Безлюдные лесистые холмы, называющиеся здесь Сербским нагорьем. Служитель в черном обходил храм, постукивая колотушкой в какую-то длинную желтую доску, которая возлежала у него на плече. Весь в черном, с этой желтой диагональю, неистовость, с какой он отпугивал злых духов, – все это напоминало мне произведение искусства, почему-то Эль Греко, несмотря на совсем другую традицию, цвет и колорит. Я достал свою камеру и сфотографировал монаха несколько раз. На фоне песочной стены, на фоне камней, позавчера обстрелянных албанцами, и в проеме арки, когда он уже был готов исчезнуть. Делая последний снимок, я случайно оглянулся. Венский профессор, как-то неестественно дернувшись, едва успел отвести в сторону свой фотоаппарат. Я догадался, что он снимал меня, и почему-то подумал, что он не просто меня фотографирует, а делает это в те же самые моменты, когда я фотографирую монаха. Он снимает, как я снимаю монаха.

Она была американка, она приехала в Белград уже после того, как мы вернулись из Косово. Я сидел в ресторане отеля «Казина» и пил красное вино. Сербь в каком-то зловеще веселом танце, положив друг другу руки на плечи и крест-накрест перебирая ногами, продвигались цепочкой между столами, захватывая в свой танец все новые и новые жертвы – одиноких подвыпивших иностранцев, приехавших полюбоваться на разбитый американ-

скими бомбами Белград. Собственно, город был цел, также, как и дух нации, разрушенных зданий было совсем немного.

Я узнал ее сразу. Мы познакомились еще в Чикаго. Звали ее Пьета.

– What are you doing here?¹ – спросил я ее в спину, в ее узкую голую спину, когда она, захваченная сербами, проплывала перед моим столиком. Я узнал ее по спине.

Скорее всего я задал этот вопрос самому себе. Я пьяно рассмеялся, выговаривая с чуждой мне американской интонацией эти слова (с сербами я разговаривал по-русски). Она оглянулась и, выражая радостное удивление на лице, высвободила одну из своих рук и приветливо мне помахала. Я видел, как она пытается выскользнуть из цепких объятий сербов. Они не отпускали ее, о чем-то спрашивали, но она только смеялась, загадочно качая из стороны в сторону головой, отчего сербы держали ее еще крепче. Тогда, в Чикаго, она вот также качала головой, хотя ее никто не держал за руки. Это было на репетиции моей пьесы, ее просили остаться, но она почему-то отказалась, вот также, как и сейчас загадочно улыбаясь. Тонкая, даже скорее худая, с узким лицом и большими зелеными глазами, все тот же отстраненный и в то же время слегка притягивающий взгляд, как будто она в своей подчеркнутой независимости все же чувствует себя немного виноватой и ждет того, кто сможет ее остановить. Такой взгляд я часто замечал у красивых и, быть может, в тайне мучающихся своей красотой женщин. Я вспомнил, как она наклонялась, играя в бильярд в нашей мужской компании, она как-то хищно растягивалась, замирая, а потом бесстрастно и жестоко расстреливала один за другим по лузам шары.

Признаваясь, что ты писатель, надо ли признаваться до конца, что же именно тобой движет? Этот странный обмен с жизнью, давно разрушившая бы обычного человека откровенность...

Как и все живое, мы растем, но почему-то так часто вырастаем в машину, затягивающую нас в свою однообразную, узкую и тупую колею, что должна бы по идее служить лишь путем исполнения наших желаний, предоставляя нам самим выбирать направление, но почему-то вдруг превращает и нас в неумолимые поршни, цилиндры и колеса. Мы совершаем странное открытие – не «жить, чтобы жить», а «ехать, чтобы ехать». Беда еще и в том, что останавливаться нельзя. Остановка не приносит облегчения. Набрасываются сообщения о другой езде, нас начинает пожирать напалм езды других. Так лучше уж наш собственный! Лучше уж тупая, однообразная, но зато *сама себя везущая езда*. С вечерней лежкой перед телевизором, когда вслушиваешься в бодрый и тайно заправляющий тебя голос, что где-то и что-то уже случилось – не остановился, а сошел с рельс гигантский, набитый до отказа пассажирами состав или сработал в метро адский наштигованный гвоздями приборчик. Вот и писатели давно пишут нам о том же, словно бы теперь писатель не творец, а венский профессорюга Зигмунд Фрейд, излечивающий нас от усталости, страха и депрессий, лишаящий нас последних наших скрытых и тайных надежд – на великую любовь, на внезапное чудо, на непонятное счастье, обрушивающееся вдруг ни с того ни с сего... Хитрюга Фрейд: «У пациента при его взаимодействии с врачом должно оставаться множество неудовлетворенных желаний. Необходимо отказывать ему именно в том, чего он больше всего желает и настоятельней всего просит».

¹ Что ты здесь делаешь? (англ.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.